

АЛЕКСАНДР
ЗИНОВЬЕВ

ЗАПАД

Александр Зиновьев

Запад

«Алисторус»

1993

УДК 82-94
ББК 63.3

Зиновьев А. А.

Запад / А. А. Зиновьев — «Алисторус», 1993

ISBN 978-5-907332-44-7

Что такое феномен по имени Запад, в чем источник его силы? Является ли Запад на самом деле таким, каким мы его себе представляем? Эти вопросы задает в своей книге великий русский писатель, социолог и философ А.А. Зиновьев. Он пишет, что социальный строй западных стран не сводится ни к капитализму, ни к демократии. Эти явления приняли тут такой вид и заняли такое место, что их нельзя считать определяющими признаками Запада, иначе возникнет ложное его понимание. Для ответа на вопрос, что же такое Запад, автор с разных сторон показывает картину жизни западного общества и проводит глубокий анализ происходящих там событий.

УДК 82-94

ББК 63.3

ISBN 978-5-907332-44-7

© Зиновьев А. А., 1993

© Алисторус, 1993

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Неожиданное предложение	7
Знать и понимать	9
Запад	12
Уникальность Запада	13
Западная идентификация	15
Западное общество	16
Феномен западнизма	17
Запад и Западноевропейская цивилизация	18
Предыстория и история западнизма	20
Основные источники и аспекты западнизма	22
Деловой аспект	24
Коммунальный аспект общества	27
Западнизм, капитализм, коммунизм	30
Человеческий фактор	33
Западоид	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Александрович Зиновьев

Запад

© Зиновьева О.М., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Предисловие к русскому изданию

До сих пор социальный строй западных стран определяется как капитализм по его экономической основе и как демократия по его политической системе. Я считаю, что это определение не соответствует реальности. Не соответствует не в том смысле, будто на Западе уже нет капитализма и демократии, – они тут есть в изобилии, – а в том, что реальный социальный строй западных стран не сводится ни к капитализму, ни к демократии. Эти явления вообще приняли тут такой вид и заняли такое место, что считать их определяющими признаками западного общественного устройства – значит игнорировать его реальную сущность и ориентировать на идеологически тенденциозное и в конечном счете ложное его понимание.

Я называю социальный строй западных стран западнизмом, вестернизмом, не вкладывая в это слово никакого иного смысла, кроме того, что это есть название не западных стран вообще, а лишь их социального строя. А что из себя этот строй представляет, это должно выяснить беспристрастное научное исследование.

В результате моего анализа западнизма я пришел к выводам, которые в двух словах можно резюмировать так. С точки зрения социально-экономической западнизм стремится к созданию гарантированных должностей и Доходов для представителей тех видов деятельности, которые не являются непосредственными производителями материальных ценностей и услуг, и к усилению частного предпринимательства как самого эффективного средства принуждения людей к трудовой деятельности и повышения производительности ее. При этом частное предпринимательство не связано необходимым образом с частной собственностью. Оно может быть таковым даже в том случае, если в деловой сфере не останется ни одного частного собственника, являющегося юридическим субъектом предприятия. В сфере социально-политической западнизм стремится к усилению недемократического аспекта системы власти и управления, к усилению роли государственности, к введению недемократических элементов в систему власти и к превращению демократии в средство манипулирования массами и в камуфляж для тоталитарного аспекта.

Эволюция западнизма в обеих основных сферах общественного устройства идет в направлении, сближающем западное общество с коммунистическим. Теория конвергенции этих социальных систем была выдвинута не коммунистами, а западными идеологами. Разгромив коммунизм на «Востоке», Запад сам устремился в том же направлении, хотя и своими путями, называемыми в идеологии и пропаганде демократическими. Можно подумать, что Запад в свое время разгневался на русских «дикарей» не за коммунизм, а за то, что они опередили его в этом отношении и построили коммунизм по-русски, то есть неправильно, халтурно, не по-западному.

Мюнхен, 1993

Неожиданное предложение

Когда издатель Оливье Орбан предложил мне написать книгу о Западе, я оторопел.

О Западе уже написаны многие тысячи книг. Зачем к этому океану книг добавлять еще и мою?! Я никогда не изучал Запад специально и систематически. Мой личный опыт жизни на Западе был довольно ограниченным. Конечно, я побывал во многих западных странах, встречал самых различных людей, слушал радио, смотрел телевидение, читал газеты, журналы и книги. Но делал я все это хаотично и спорадически, не имея никакого намерения собирать информацию для сочинений о Западе.

Я высказал это моему собеседнику. Он сказал, что ничего иного и не ожидал. Ему нужен от меня не путеводитель по странам Запада, не учебное пособие и не справочник, а впечатления и мысли, какие возникли у меня за годы жизни на Западе. В моих сочинениях он встречал много высказываний о Западе¹. Если их развить и систематизировать, может получиться книга, представляющая интерес для западных читателей. К тому же как посторонний наблюдатель я могу заметить в западном образе жизни что-нибудь такое, что игнорируют западные наблюдатели, или дать свою интерпретацию известным явлениям. Случаи такого рода в истории были. Алексис де Токвиль², например, за короткий срок пребывания в США увидел там больше, чем сами американцы, и стал основоположником теории современной демократии в Западной Европе.

Я возразил на это, что открытая Токвиллем в Америке демократия давно торжествует во многих странах мира. Знатоков ее – миллионы. Соблазнять ею моих соотечественников нет надобности. Они сами превратились в яростных «токвиллей», представляя себе Запад как тот самый земной рай всеобщего благополучия и изобилия, какой им обещали коммунистические идеологи и вожди. И всякую попытку рассказать о Западе с точки зрения здравого смысла они воспринимают как прокоммунистическую пропаганду или вообще игнорируют.

Я попросил дать мне срок обдумать предложение. Чем больше я думал о нем, тем грандиознее казалась задача и тем мизернее мои возможности ее решения. И я решил было отказаться. Но положение в России к этому времени сложилось такое, что все упомянутые выше соображения отпали как второстепенные. Стало очевидно, что моя Родина потерпела поражение в «холодной войне» с Западом, встала на путь позорной капитуляции перед ним и бездумного заимствования западных образцов. Передо мною все настойчивее вставали мучительные проблемы. Что из себя представляет этот феномен по имени Запад, который нанес такой сокрушительный удар могучей сверхдержаве, причем без единого выстрела? В чем источник его силы? Каковы перспективы эволюции человечества на основе такого исхода исторической битвы Запада против коммунизма? Является ли эта победа на самом деле окончательной? Является ли Запад на самом деле таким, каким его теперь изображает самодовольная западная и прозападная пропаганда в России? Что на самом деле несет мировая гегемония Запада остальному человечеству? Уклониться от такого рода проблем я уже не мог. И я принял предложение.

Садиться за систематическое изучение Запада, как я это сделал бы лет тридцать или сорок назад, было немислимо. Мне надо было за короткий срок, отпущенный на написание книги, среди массы других неотложных дел и с малыми силами сделать что-то такое, от чего мне не было бы стыдно в оставшиеся годы жизни. Я вспомнил об эвристических принципах, которые открыл для себя еще в юности, начав изучать советское общество тайно, в одиночку

¹ В моих книгах «Мы и Запад» (1981), «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983), «Гомо советикус» (1982), «Пара беллум» (1987), «Исповедь отщепенца» (1990).

² Alexis de Tocqueville. *Democratie en Amerique*. 1835.

и в условиях, которые никак не располагали к серьезной науке. Приведу для примера два из этих принципов. Согласно первому из них любая произвольно взятая и достаточно обширная сумма информации, относящаяся к некоторому социальному объекту, содержит в себе все то, что необходимо и достаточно для понимания сущности этого объекта. Согласно другому принципу самые глубокие тайны основных социальных явлений не спрятаны где-то в подвалах общественного здания, за кулисами политической сцены, в секретных учреждениях и кабинетах сильных мира сего, а открыты для всеобщего обозрения в очевидных фактах повседневной жизни. Люди не видят их главным образом потому, что не хотят их видеть или признать их за нечто достойное внимания. Во всех сенсационных сочинениях, разоблачающих некие тайные и скрытые пружины общественной жизни и человеческой истории, не было сделано ни одного серьезного научного открытия. В них вообще содержится истины не больше, чем способен заметить здравомыслящий ум в самых заурядных житейских делах.

Руководствуясь такого рода принципами, я решил продолжать знакомиться с Западом так же хаотично, как делал это раньше, и сосредоточить свои усилия на обдумывании общеизвестных и доступных для обычного наблюдения явлений. Те упоминания имен, источников информации и фактов, которые читатель найдет в книге, это то, что всплыло в моей памяти из прошлого образования или попало под руку во время работы над книгой, а не какой-то годами накопленный профессиональный научный аппарат. В конце концов, читатель не должен воспринимать эту книгу как законченную теорию западного общества. Это будет лишь изложение тех принципов и идей, какими я стал бы руководствоваться, если бы имел силы, время и намерение строить такую теорию, иными словами – изложение того, как я понимаю Запад.

Знать и понимать

Знать что-то об обществе и понимать его – далеко не одно и то же. Можно много знать, но при этом мало понимать. Однако число людей, считающих себя специалистами в понимании своего общества только на том основании, что они что-то знают о нем, больше, чем в любой другой сфере познания. Каждый, кто имеет какой-то опыт жизни в данном обществе, считает себя его знатоком. Он воображает, будто нет ничего проще, чем понимание явлений, которые они видят своими глазами, среди которых живут, в которых принимают участие и которые сами творят. А те из них, кто занимает какое-то высокое положение в обществе и имеет возможность публично высказываться на социальные темы, считают себя и считаются другими высшими экспертами в них. Даже актеры и спортсмены высказываются на социальные темы с таким апломбом, будто изучали их профессионально.

Понимание общества не дается автоматически опытом жизни в этом обществе, наблюдением его отдельных явлений, накоплением конкретных сведений о нем. Подавляющее большинство людей проживает жизнь, не понимая и даже не пытаясь понимать общество, в котором они живут. Так было всегда. И так будет, пока будет существовать человечество. Сотни миллионов людей живут в западных странах, умеют в них жить, могут многое рассказать о них. Но если устроить проверку того, как они понимают свое общество, то можно будет установить, что подавляющее большинство из них в этом отношении мало чем отличается от дикарей далекого прошлого.

Миллиарды людей обучаются и умеют жить в своем обществе. Но умение жить в обществе и умение понимать его не только не совпадают, но являются в какой-то мере взаимоисключающими. Virtuozы по умению жить в обществе (карьеристы, предприниматели, ловкачи, мошенники) обычно являются полными кретинами в понимании его, а те, кто понимает свое общество (что встречается чрезвычайно редко), как правило, бывают плохо приспособленными к практической жизни в нем.

Понимание того или иного конкретного общества зависит от многих факторов, в том числе от того, какими методологическими принципами руководствуется исследователь. Эти принципы определяют то, что именно исследователь заметит в изучаемом обществе и как истолкует замеченное. На Западе не было недостатка как в общефилософских, так и в общесоциологических концепциях и теориях. Но во всем том, что мне довелось узнать на эту тему, я могу согласиться лишь с отдельными утверждениями отдельных авторов, но не могу принять ни одну из их концепций и теорий целиком.

В области логики и методологии науки я работал профессионально в течение многих лет. Я разработал свою логико-философскую концепцию. Заинтересованный читатель может познакомиться с ней в моих опубликованных работах³.

В области социологии мне приходилось когда-то знакомиться с работами таких авторов, как О. Конт, Ф. Теннис, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, В. Парето, М. Вебер, Т. Веблен и многие другие. Само собой разумеется, я досконально изучал марксистскую концепцию общества. Я отдавал и отдаю должное всем им, но не настолько, чтобы стать их последователем. Я выработал для себя свою «общую социологию», многочисленные идеи и принципы которой заинтересованный читатель может заметить в моих социологических и литературных работах о коммунистическом обществе⁴.

³ Основы моей методологии науки читатель может найти в моих книгах «Основы логической теории научных знаний» (1967), «Логическая физика» (1974) и других.

⁴ В социологических эссе «Коммунизм как реальность» (1981), «Сила неверия» (1986), «Горбачевизм» (1987) и «Кризис коммунизма» (1991), в публицистических работах «Без иллюзий» (1979), «Мы и Запад» (1981) и «Ни свободы, ни равенства»,

Многие мыслители рассматривали человеческое общество как организм. Такую идею можно найти уже у Вико. В России сходную идею развивал Н.Я. Данилевский и В.О. Ключевский. В XX веке Шпенглер и вслед за ним Тойнби рассматривали историю человечества как ряд гигантских сверхорганизмов, переживающих периоды возникновения, детства, юности, зрелости, расцвета, упадка, старости и умирания. Идею рассматривать общество как живой организм высказывали О. Бальзак, Н. Винер и другие. Еще дальше в этом направлении пошел социальный дарвинизм и социобиология, которые распространили биологические законы на явления социальные (например, Эдвард Уилсон).

Человеческое общество действительно по многим признакам сходно с такими биологическими организмами, как животные и люди. Но достаточно ли этого сходства, чтобы считать общество организмом? Это вопрос терминологический. Можно термин «организм» определить так, что только пространственно локализованные индивидуальные живые существа попадут в число организмов. Но этот термин можно определить и более широко, включив в число организмов и объединения организмов в узком смысле, например – стаи и стада животных, муравейники. Очевидно, в первом случае общество не попадет в число организмов, во втором – попадет.

Во избежание терминологической путаницы я буду употреблять выражение «базисный организм» для обозначения организмов в приведенном выше узком смысле слова и выражение «социальный организм» – в широком. Так что человеческое общество в таком словоупотреблении есть социальный организм, состоящий из базисных биологических организмов – людей.

Имеются определенные законы, касающиеся взаимоотношения социального организма как целого и его базисных организмов, – законы органичности. Так, имеет силу закон адекватности базисных организмов и построенного из них социального организма. Из клопов или тараканов не построишь общество такого вида и масштаба, какими являются западные страны. Более того, не любой человеческий материал способен на это⁵.

Надо различать то, как структурируется социальный организм сам по себе, в силу своих законов структурирования, и то, как его расчленяет и как классифицирует его части исследователь в целях удобства описания этого организма. Совпадение тут далеко не всегда имеет место. Мясник расчленяет животное и классифицирует его части иначе, чем ученый анатом, хотя отчасти их позиция и может совпадать. В большинстве социологических, политологических и экономических сочинений западных авторов, которые попадались мне на глаза, западное общество расчленяется по «принципам мясника», а не анатома. В этом обществе, например, нет таких эмпирических частей, как высшие, средние и низшие слои, определяемые величиной доходов. Можно предложить различные способы измерения доходов, вследствие чего изменится и разделение людей на слои. А между тем до сих пор население западных стран делится прежде всего на слои именно по этому принципу «научных» мясников. И при этом высмеивается марксистский «классовый» подход, который ничуть не хуже упомянутого «слоевого». Социальный организм, в отличие от биологического, одновременно структурируется во многих измерениях, – он многомерен. При этом его «органы» и «ткани» не имеют таких четких форм, как в биологическом организме. Границы между ними подвижны и неопределенны. Причем они проникают друг в друга по самым различным каналам. Это делает невозможной одномерную классификацию его элементов. Многие недоразумения, трудности и споры в социальных исследованиях возникают в значительной мере из-за того, что структурно подвижное и многомерное образование пытаются рассматривать как четко фиксированное структурно и одномерное. Например, к какой социальной сфере отнести государственную власть? Относят,

ни братства» (1983), а также в литературных произведениях «Зияющие высоты» (1976), «Светлое будущее» (1978), «Желтый дом» (1982) и «В преддверии рая» (1979).

⁵ О роли человеческого материала писала Маргарита Баранова (Апраксина) в работе «Письмо Зиновьеву», которая не опубликована.

разумеется, к политической. И это верно. Но государство есть одновременно и элемент социально-экономической сферы. И дело тут не просто в том, что оно выполняет какие-то экономические функции, «вмешивается в экономику», вызывая гнев апологетов свободной конкуренции. Дело в том, что экономика просто немыслима без государства как ее составного элемента. Или к какой сфере отнести производство духовных ценностей? Оно одновременно относится и к сфере экономики, и к сфере культуры, и к сфере идеологии. И опять-таки тут имеет место не просто вмешательство экономики в культуру. Сама культура есть составная часть экономики. Аналогично идеология есть часть культуры, культура – сфера и средство идеологии. Еще более разительный пример многомерности западного социального организма дает ситуация со сферой средств массовой информации, в которой перекрещиваются сферы бизнеса, государственности, идеологии, пропаганды, гражданского общества.

Исторически человек сформировался в разумное существо как член объединения людей – семьи, стада или стаи, рода, племени. Одновременно с этим происходил процесс воздействия интеллекта человека на сам характер объединения людей. Последнее постепенно превратилось в организованное, то есть упорядоченное с участием человеческого интеллекта скопление людей. Это более высокий уровень объединения однородных базисных организмов в целое по сравнению с муравейником, ульем, стаей волков или обезьян. Так что человеческое общество представляется скорее как организация, а не как организм, поскольку первое слово ориентирует на некую стихийность («природность»), а второе – на сознательность процесса формирования общества.

Я не вижу между двумя подходами противоречия. И тот и другой правомерны, но в ограниченных пределах и с оговорками. Социальная организация есть то в обществе, что как-то осознано и закреплено в каких-то правилах, высшей формой которых является законодательство. Человеческое общество сравнительно высокого уровня развития есть организованный с помощью разума социальный организм или сложившаяся по законам органичности организация.

Тип общества образует устойчивая совокупность признаков, сохраняющаяся в течение всей жизни общества. Самым значительным, на мой взгляд, учением о типе общества является учение Маркса об общественно-экономической формации. Я не разделяю это учение с точки зрения его конкретного содержания. Но сама методологическая идея типизации общественных организмов вполне научна.

В истории человечества никогда не было и не будет «чистых» обществ, то есть таких, которые точно совпадают с каким-то типом общества. Реально существовавшие, существующие и будущие общества являются, как справедливо заметил М. Фридман, смешанными. Это означает, что в них можно заметить элементы и свойства обществ различных типов. Это, я думаю, очевидно. Наследственная монархия, например, является признаком общества феодального, а ее между тем можно увидеть во многих демократических (капиталистических) странах в XX веке. Товарно-денежные отношения характерны для общества капиталистического, но их можно видеть и в обществе феодальном. В этой книге я излагаю мое понимание общества западного типа, отвлекаясь от всякого рода посторонних «примесей», то есть в «чистом виде».

Запад

Запад. Что это такое? Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего выделить Запад как особый объект из множества прочих объектов. Это делается двумя различными способами. Первый способ – перечисление конкретных стран, включаемых в Запад или считаемых западными. Эти страны суть Франция, Италия, Англия, Германия, Бельгия, Швейцария, США, Канада, Австралия и многие другие, список которых можно найти в любом справочнике и учебном пособии соответствующего профиля. Второй способ – дефиниция, в которой указываются характерные свойства стран, считаемых западными, – демократия, частная инициатива и собственность, рыночная экономика, плюрализм и другие признаки.

Эти два способа, как правило, смешиваются, во всяком случае – четко не различаются. Причем чем дальше, тем больше. Этому есть объяснение. После Первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 года в России мир раскололся на два враждебных лагеря – на лагерь капитализма и лагерь коммунизма (по принятому словоупотреблению). Первый стали часто называть Западом, ассоциируя это слово с социально-политическими условиями в странах Западной Европы, а второй – Востоком, акцентируя внимание на социально-политическом строе Советского Союза, то есть бывшей Российской империи. После Второй мировой войны коммунистический лагерь угрожающе расширился и укрепился, и борьба двух лагерей стала на много десятилетий основой мировой истории. Слово «Запад» приобрело еще более абстрактный смысл и расширилось по объему. Оно стало обозначением стран с определенным социально-политическим строем, так называемых демократических стран. В число таких стран вошли США, Канада, Австралия и другие, подобные им и западноевропейским странам с точки зрения социального строя, экономики и политической системы. В это множество стали включать Японию, Южную Корею, Тайвань и другие американизированные страны. А после разгрома советского блока и самого Советского Союза в «холодной войне» в Запад стали включать даже страны Восточной Европы, вставшие на путь подражания странам Запада, – на путь западнизации. Словоупотребление стало еще более смутным и двусмысленным.

Я считаю, что выделение Запада посредством абстрактной дефиниции, фиксирующей какие-то стороны или свойства этого феномена, является методологически несостоятельным и несоответствующим фактическому положению вещей. Запад есть эмпирическое явление. И выделен он как таковое может быть лишь путем предварительного описания его тела в определенных пространственно-временных границах, а именно – путем перечисления вполне конкретных стран и народов. А какими являются свойства этого эмпирически данного объекта, это должно выяснить последующее исследование по правилам анализа именно эмпирических объектов. Лишь на этой основе могут быть использованы дефиниции в качестве кратких итогов исследования.

Сказанное касается не только Запада в целом, но и его составных элементов, сторон, подразделений. Для западных сочинений, относящихся к социальным объектам, характерным является стремление давать этим объектам абстрактные дефиниции уже в исходном пункте их описания, можно сказать, что им характерен справочно-бюрократический стиль мышления. Это имеет следствием запутывание банальных проблем и превращение действительно сложных проблем в банальности. Ложное начало предопределяет последующее описание, которое, как правило, выглядит как более или менее упорядоченный набор привычных словесных клише.

Уникальность Запада

Следствием смешения упомянутых двух способов выделения Запада как особого объекта внимания является то, что в Запад включаются какие-то страны и народы только на том основании, что они в чем-то похожи на Францию, Англию, Италию, США и другие страны, действительно образующие тело Запада, или стремятся уподобиться им под их влиянием. Эти страны суть всего лишь сфера господства, влияния и интересов Запада, как бы далеко они ни зашли в своем уподоблении Западу.

Запад есть вполне определенное социобиологическое образование. Японцы, корейцы, китайцы, поляки, чехи, русские и представители других народов могут стать и становятся элементами тела Запада не в качестве граждан своих стран, тяготеющих к западным образцам, но лишь покинув их и внедрившись в страны Запада. Да и то это не так-то просто. Десятки миллионов иностранцев живут в странах Запада, оставаясь здесь все равно чужеродным явлением. Не исключено, что когда-нибудь пришельцы из незападных стран станут подавляющим большинством в западных странах и будут тут задавать тон. Как говорил один из моих литературных персонажей: «И вопить будет „Алла!“ с башни Эйфеля мулла». Но тогда тут будет уже не тот Запад, о котором я здесь намерен говорить, а нечто иное. Отношение этого гипотетического Запада (если за ним сохранится это название) к нынешнему будет подобно отношению Турецкой империи к Византии или завоёванного варварами и бывшими рабами Рима к Римской империи в период ее расцвета.

Запад есть явление уникальное, то есть единственное в своем роде и неповторимое в истории человечества. Повторяю и подчеркиваю, социального феномена, аналогичного Западу в его самых существенных чертах (о них речь пойдет ниже), никогда не было ранее на планете, нет и не будет в будущем, если этот Запад разрушится и сойдет со сцены истории. Почему я это утверждаю с такой категоричностью? Во-первых, потому, что планета наша не так уж велика, Запад уже существует, он занимает свое место на планете, в обозримом будущем он способен это место удержать за собой и не допустить другой «Запад» рядом с собой. Во-вторых, само стечение обстоятельств, благодаря которым Запад сложился исторически, является уникальным и неповторимым. Конечно, рассуждая абстрактно-математически, можно «доказать» возможность другого точно такого же стечения бесчисленных условий где-то во Вселенной. Но я в такие «доказательства» не верю. Они основываются на целой серии логических ошибок, анализ которых здесь был бы неуместным. Но если даже допустить, что где-то нечто подобное существует, это будет все равно явление иной социобиологической природы, чем наш Реальный, земной Запад.

Когда народы стран Восточной Европы и Советского Союза вознамерились уподобиться Западу, они полностью игнорировали то обстоятельство, что западнизация их стран не может стать превращением их в части Запада или в западные страны по двум основным причинам. Первая причина – навязывание этим народам и странам отдельных свойств Запада (демократия, рынок, приватизация и т. д.) не есть превращение их в части Запада, ибо Запад вообще не сводится к этим свойствам. Запад есть огромный и многосторонний феномен, сложившийся по бесчисленным каналам в течение многих столетий. Вторая причина – место и роль Запада (скажем, «мировой престол») уже заняты, и самое большее, на что эти западизируемые народы могут рассчитывать, это оказаться в сфере власти, слияния и колонизации Запада, причем на тех ролях, какие им может позволить сам единственный и неповторимый Запад.

Как бы русские ни оплеывали коммунистический период своей истории, как бы ни усердствовали в разрушении всего того, что было достигнуто за этот период, как бы ни ползали на коленках и ни холуйствовали перед Западом, как бы ни подражали всему западному и как бы ни перенимали все пороки Запада, Россия все равно никогда не станет частью Запада. Какая

судьба ожидает ее в сфере западнизации, об этом в свое время откровенно сказал и показал Гитлер. Сейчас, разумеется, об этом не говорят вслух, но стремятся делать по сути дела то же самое. Нужно быть круглым идиотом, чтобы воображать, будто на Западе стали бы млеть от восторга, если бы на мировых рынках появились мощные конкуренты из России и стали бы вытеснять американских и западноевропейских предпринимателей.

Об уникальности Запада писали и другие авторы⁶. Но они имели в виду уникальность Запада как экономического, социально-политического, идеологического и культурного явления. Я считаю, что говорить об уникальности Запада в этом смысле логически ошибочно. Если бы в мире существовала всего одна страна с такими признаками, все равно было бы бессмысленно считать ее социальный строй и его атрибуты явлениями уникальными. В том смысле, в каком «уникален», например, западный капитализм, «уникален» и феодализм, и коммунизм, и вообще любой социальный строй. Тут логически правильно говорить не об уникальности, а об универсальности капитализма, коммунизма и т. д., поскольку законы этих социальных феноменов одни и те же везде, где они существуют. Запад уникален лишь как конкретное социобиологическое образование, каким бы ни был его социальный строй.

⁶ Например, Вернер Зомбарт в книге «Современный капитализм», 1926.

Западная идентификация

Выделение всякого человеческого объединения из окружающей социальной среды предполагает то, что определенное множество людей осознает себя в качестве членов этого объединения и отличает себя в этом качестве от других людей (внутренняя идентификация), а какое-то множество из этих других людей осознает себя в качестве чужих для этого объединения людей, отличает их от себя именно как от представителей этого объединения (внешняя идентификация). Внешняя идентификация Запада началась раньше, чем внутренняя. В России это произошло уже в XIX веке. Внутренняя идентификация началась лишь после Второй мировой войны, когда народы Запада оказались перед лицом угрозы со стороны мирового коммунизма, возглавлявшегося Советским Союзом. Но она до сих пор не стала настолько сильной, чтобы французы, англичане, немцы, итальянцы, американцы и прочие народы западных стран осознавали себя в первую очередь в качестве западных людей и лишь во вторую очередь гражданами своих стран. И трудно сказать, произойдет ли это вообще когда-нибудь. Глядя на американцев, впадающих в экстаз от одной мысли, что они суть именно американцы, несущие человечеству американские ценности и американский мировой порядок, или глядя на немцев, ведущих весьма угрожающую для других стран Западной Европы борьбу за гегемонию в Европе, я никак не могу вообразить себе французов, итальянцев, англичан, испанцев и прочих западных людей, гордящихся мировыми претензиями и успехами американцев и немцев как своими собственными, общезападными. Ведь и Гитлер когда-то был уверен в том, что американцы, англичане и Французы помогут ему раздавить русских, поскольку они суть тоже западные люди, как и немцы. Для единства такого гигантского образования, каким является Запад, внутренняя идентификация как постоянно действующий фактор вообще не требуется. Она может возникнуть на короткое время как политический и идеологически-пропагандистский фактор, когда западные страны совершают какие-то совместные действия вроде карательных акций в отношении Ливии, Ирака или Сербии. Ведь и в гигантской Римской империи далеко не все народы и слои населения идентифицировали себя в качестве римлян. Аналогично немногие осознавали себя в первую очередь россиянами, причем самыми рьяными из них были обрусевшие или хорошо устроившиеся чужеземцы.

Западное общество

Человеческим обществом или, короче, просто обществом я здесь буду называть объединение людей, занимающее или использующее определенную территорию, обладающее сравнительной замкнутостью, воспроизводящееся как целое из поколения в поколение в течение более или менее длительного времени. Современные западные страны («национальные государства») суть наглядный пример человеческих обществ. Употребляя выражение «западное общество», я буду иметь в виду именно эти страны в качестве частных случаев.

Каждое западное общество, за исключением «вырожденных» случаев вроде Монако и Лихтенштейна, разделяется внутри на более мелкие территориальные единицы – штаты, департаменты, провинции, земли, кантоны. Последние разделяются на еще более мелкие части вплоть до самых маленьких местных общин. С другой стороны, западные общества объединяются в группы и в целом образуют некоторое единство. Имеет место сильная тенденция к объединению их в целостное общество. Но пока западными обществами в строгом смысле слова остаются общеизвестные западные суверенные страны, а не их части и не их объединения. Именно в них свойства этого социального феномена выражены наиболее полно и четко. Поэтому исследование именно их должно стать исходным пунктом исследования Запада.

Феномен западнизма

Слово «Запад» употребляется не только как обозначение индивидуального явления, то есть совокупности вполне конкретных стран и народов, но и как абстрактное понятие, то есть как обозначение совокупности явлений, которые не связаны необходимым образом с особенностями отдельных западных стран и являются для них общими. В таких случаях употребляют также слова «демократия», «капитализм», «плюрализм», «открытое общество» и т. п. Я считаю, что эти слова превратились в идеологически-пропагандистские фетиши, не столько поясняющие, сколько затемняющие суть дела. Я буду употреблять термин «западнизм» для обозначения социального типа западных стран, то есть того общего в западных странах, что так или иначе отражается в упомянутом выше абстрактном употреблении слова «Запад» и в упомянутой совокупности слов политического, идеологического и пропагандистского лексикона. Слово же «Запад» я оставляю как обозначение совокупности конкретных стран и народов, о которой идет речь, но сделав к этому один корректив.

Западнизм есть сложный и целостный социальный феномен, в котором можно увидеть и капитализм, и демократию, и социализм (коммунизм), и прочие общеизвестные явления, но который как специфическое целое не есть ни капитализм, ни демократия, ни социализм (коммунизм), ни любое из прочих его свойств по отдельности. С другой стороны, западнизм в целом есть лишь свойство и часть более обширных объединений – конкретных западных стран. Он зародился в этих странах, достиг в них зрелости, стал неотъемлемым качеством их натуры. Он стал в этих странах играть настолько важную роль, что они уже не мыслятся без западнизма. Из этих стран западнизм распространился по планете именно как западнизация других стран и народов.

Западнизм не есть всего лишь множество отдельных общих свойств западных стран. Это есть особое целостное образование в теле западных стран. Это, грубо говоря, есть общество второго уровня по отношению к тому обществу, которое существует в этих странах испокон веков. Трудность понимания этого соотношения различных социальных феноменов состоит в том, что западнизм существует в том же пространственно-временном объеме, что и народы конкретных стран, и с тем же человеческим материалом. Одни и те же граждане этих стран одновременно участвуют как в жизни своей человеческой общности вообще, так и в жизни западнизма. Полного совпадения тут нет. Народ данной конкретной страны имеет свою историю, которая не сводится к истории западнизма. И в современной жизни людей не все есть их жизнь в качестве кирпичиков западнизма. Но западнизм, став доминирующим явлением в жизни западных народов, превратил их в среду и средство своего бытия. Западнизм сросся с западными странами настолько, что слово «Запад» теперь обозначает не просто определенное множество стран, но стран, являющихся воплощением западнизма. Реальность западнизма и есть современный Запад.

Запад и Западноевропейская цивилизация

Запад есть живое существо. Все живое, как это общеизвестно, переживает определенные стадии жизни – зарождение, формирование, зрелость, упадок, старение и смерть. Сейчас Запад достиг стадии зрелости. И хотя он время от времени впадает в состояние кризиса, дающее повод паникерам и недоброжелателям говорить о его упадке и скорой гибели, он еще не достиг вершины своего расцвета. Так что сейчас нелепо гадать о его временной границе в будущем. Зато надо установить его временную границу в прошлом, ибо это важно для выделения и понимания самого феномена Запада.

Когда зародился и сформировался Запад? Обычно начало истории Запада датируют периодом упадка Римской империи. Этот предрассудок есть следствие определенного подхода к истории, суть которого заключается в следующем. Берется какой-то пространственный объем (например, Западная Европа) и рассматривается, что происходило в нем в какой-то промежуток времени (например, со времен падения Римской империи до наших дней). Изобретается определенная периодизация событий. События оцениваются с точки зрения значительности их для своего времени и последующих событий. С точки зрения этого подхода исторический процесс представляется как некая единая линия эволюции с различными этапами, просто как смена событий, предшествовавшая данному состоянию исследуемого социального пространства. Естественно, в качестве начала Запада при этом само собой напрашивается разрушение Римской империи.

Рассмотренному подходу я противопоставляю другой, суть которого такова. Выделяется некоторый конкретный социальный феномен и исследуется как эмпирическое явление в его существенных свойствах и закономерностях. Исходя из этого выясняются его корни в прошлом, его зарождение и формирование. С точки зрения такого подхода не все, что происходило в данном пространственном объеме в прошлом, есть история выделенного феномена. Не все, что происходило в Западной Европе со времени краха Римской империи, есть история того, что я выделяю в качестве предмета моего внимания, – феномена западнизма, воплощенного в странах Запада, или Запада как воплощения феномена западнизма, а также Запада как социального целого. В прошлой истории Западной Европы можно обнаружить предпосылки, условия и корни этого феномена, но не сам этот феномен в его качественной определенности.

История западных стран есть история западноевропейской цивилизации, но еще не есть история Запада как особого социального образования. Это есть лишь одно из исторических условий Запада. История западноевропейской цивилизации подготовила «строительный» материал для Запада – определенный человеческий материал, материальные и духовные ценности, социальные институты, культуру, идеологию. Но как особый социальный феномен Запад есть молодое образование. Он возник недавно. Давно ли в массовое употребление вошли выражения вроде «у нас на Западе», «у них на Западе», «западная политика», «западная культура» и т. п.? Давно ли массы людей стали идентифицировать себя в качестве людей западных, отодвигая на задний план или вообще игнорируя свою национальную или этническую принадлежность?!

Исторически западнизм возник и развивался в среде общества иного типа. Условиями его возникновения и вызревания были такие исторически данные факторы. Это – сравнительно сильная и развитая государственная власть, наличие какого-то законодательства, денежная система, признание частной собственности на движимое имущество, наличие лично свободных людей, которые в рамках законов и под защитой государственной власти могли что-то производить и продавать за деньги, существование категории лично свободных людей, которые могли нанимать других свободных людей или наниматься другими.

Развитие западнизма было развитием, укреплением и расширением самих этих условий. Причем эти условия входили в структуру самого западнизма, становились его необходимыми элементами. Начиная с некоторого момента, когда западнизм приобрел достаточно сил, чтобы начать борьбу за господство в обществе, он начал оказывать обратное влияние на свои условия (то есть на государственную власть, правовые отношения, денежную систему и т. д.), вынуждая их приспособляться к его интересам. Так называемые буржуазные революции знаменовали собою поворотный пункт в истории, когда произошло «оборачивание» в отношениях между компонентами исторического процесса, а именно – условия западнизма сами стали обуславливаться им. И в структуре сложившегося западного общества западнизм из одного из «надстроечных» явлений существовавшего ранее общества превратился в «базис» нового общества.

Западное общество возникло не на пустом месте и существует не в изолированном пространстве, а в уже развитой человеческой среде, причем как более высокий уровень организации человеческих существ. Отношение западнизма к общечеловеческой среде подобно отношению животного мира к растительному, высших видов животных к низшим, человечества к животному миру. Я эту общечеловеческую среду, имеющуюся в каждой западной стране и в окружающем Западе мире, предполагаю данной, оставляя этот аспект дела без внимания.

Предыстория и история западнизма

Я различаю предысторию западнизма на Западе и историю Запада как историю ставшего западнизма. Первая есть зарождение, распространение и вызревание западнизма в недрах (в теле) того общества, которое сложилось в течение многих веков в Европе, главным образом, в той ее части, которую в середине XX века стали называть Западом. Вторая есть завоевание западнизмом господствующего положения в западных странах, начало истории этих стран на основе западнизма. Установить точную дату начала этого периода невозможно, так как в различных частях планеты (а не только Западной Европы!) этот процесс начался в различное время, причем был растянут во времени и погружен в совокупность процессов иного рода. Но можно указать заметные исторические вехи, которые свидетельствовали о том, что Запад уже зародился и начал жить. Эти вехи – так называемые буржуазные революции в Англии и Франции, борьба Нидерландов за независимость от Испании, борьба американских колоний за независимость от Европы и образование США.

Западнизм формировался неравномерно, по различным линиям и в течение длительного времени. И более или менее явное проявление его на арене истории как для других, так и для себя было таким же. Если бы нужно было выбрать официальные даты для празднования его юбилея, то во Франции, например, я бы выбрал не только день 14 июля 1789 года, но и такие даты: 26 августа 1789 года, когда Учредительное собрание приняло «Декларацию прав человека и гражданина», 6 января 1800 года, когда был учрежден Французский банк, и 21 марта 1804 года, когда был принят Закон о введении «Гражданского кодекса» («Кодекса Наполеона») в действие. Эти события проявили открыто то, что западнизм уже достаточно созрел, чтобы «выйти в свет». Вместе с тем они послужили важными условиями для того, чтобы западнизм начал покорять этот «свет».

На это можно возразить, что то, что я считаю вехой начала истории Запада, есть лишь веха нового этапа в истории Западной Европы, а именно – этапа капиталистического (буржуазного). Но в таком случае и падение Римской империи есть не начало какого-то нового социального феномена, а всего лишь новый этап в истории все того же абстрактного человечества. При таком подходе вообще пропадает важнейший элемент истории человечества – возникновение различных живых социобиологических существ и выделение их из общей почвы жизни человечества в особые типы социальной жизни. При таком подходе история человека оказывается лишь этапом в истории животного мира, а история последнего – этапом в мире живых организмов вообще.

С точки зрения моего подхода то, что я называю Западом, не есть всего лишь этап в истории Западной Европы. Это – нечто иное. Это – новое качество в человеческой истории, новый социальный феномен со своими собственными этапами эволюции. К тому же ошибочно сводить суть Запада (пусть нового этапа в истории западных стран) к капитализму. Капитализм сыграл свою роль в возникновении Запада. Он был одной из его предпосылок. Но возникновение Запада было явлением более обширным и сложным, чем лишь приход буржуазии к власти.

В рассматриваемый период происходило образование больших суверенных человеческих объединений, которые стали называть «национальными государствами» (слово «государство» здесь употребляется не в смысле системы органов власти, а как синоним слова «страна»). Это – Франция, Англия (Британия), Голландия, Бельгия, Италия, Германия, США, Канада, Австралия и многие другие. Несмотря на разнообразие этих стран и далеко не мирные отношения между ними, в них сформировалось нечто такое, что позволяло считать их странами западного типа или западными странами, – сформировался западнизм как особый социальный феномен. Западнизм послужил важнейшим условием формирования «национальных государств».

Но вместе с тем лишь в рамках этих государств западнизм развился настолько, что овладел целым обществом и стал его базисом, – определил сам тип общественного устройства страны.

Этот период истории Запада был историей входивших в него «национальных государств» и их взаимоотношений. Нельзя считать случайностью тот факт, что Запад сложился как множество социально однотипных стран. Несмотря на взаимную вражду, доходившую до войн, феномен западнизма смог исторически выжить только благодаря упомянутой его множественности. В противном случае он либо остался бы второстепенным явлением в совокупности явлений иного рода, либо был бы задушен вообще. Западнизм завоевывал себе место под солнцем во многих местах планеты, можно сказать – широким фронтом.

В этот период сформировались социальный строй, политическая система, экономика, культура и идеология западных стран, представляющие собою различные аспекты западнизма, развившегося до уровня целостных обществ. Ниже я рассмотрю каждый из этих аспектов специально. Здесь же замечу, что сходство западных стран во всех этих аспектах обусловлено не столько взаимным влиянием, сколько внутренними закономерностями самого западнизма. Исключать взаимное влияние не следует, оно свою роль сыграло. Но и преувеличивать его не следует, дабы не затемнять более глубокие основы этих явлений. Сейчас уже невозможно установить, когда и в какой мере имело место взаимное влияние, а когда – совпадение независимых линий эволюции, лишь постфактум или случайно понятых как результат взаимного влияния. Да в этом и нет надобности, ибо история так или иначе сделала свое дело, и нам остается лишь констатировать сходность процессов в различных пространствах мира.

В этот период обнаружилось с полной очевидностью то, что западнизм является новым уровнем в эволюции человечества или, точнее говоря, таким социальным образованием, которое предполагает в качестве условия бытия более низкий слой человечества. Это проявилось в том, что почти все западные страны либо создавали мировые империи под своим господством, либо предпринимали попытки к этому, либо предпринимали попытки превратить в свои подчиненные территории своих соседей. Самой значительной империей такого рода была Британская, которая была пионером в развитии западнизма. И это не случайно. Самыми значительными попытками создания империй в рамках Европы были завоевательные войны Наполеона в начале XIX века и Гитлера в середине XX века. В критической литературе обычно употребляется термин «империализм» для обозначения этого аспекта истории западных стран. Этот термин приобрел сугубо негативное значение. Кроме того, он скрывает смешение различных явлений, а именно – стремление к образованию империй по причинам и мотивам, не имеющим никакого отношения к западнизму (Римская империя, Византия, Австро-Венгерская империя и т. п.), и стремление феномена Западнизма к «вертикальному» структурированию человечества, к утверждению себя в качестве социального феномена более высокого уровня.

В этот период обнаружилась и тенденция западных стран к объединению. Она проявилась в образовании всякого рода коалиций стран, главным образом – в военных и торговых целях. Такими были, например, коалиция стран Антанты в Первую мировую войну, а также стран гитлеровского блока и антигитлеровского блока во Вторую мировую войну.

В XX веке, особенно после Второй мировой войны, начался новый период в истории Запада. Западное общество достигло степени социальной зрелости. Оно стало обществом всеобъемлющего западнизма. Запад одержал крупнейшую в его истории победу над своим эпохальным врагом – над коммунистическим миром. Определилась стратегия Запада в отношении прочего мира. Началась интенсивная интеграция западных стран в единое социальное целое. Заявила о себе сильнейшая тенденция к образованию глобального общества на основе западнизма и во главе с Западом. Излагаемое в этом очерке понимание Запада сложилось у меня на основе наблюдения его в том виде, какой он принял в этот период.

Основные источники и аспекты западнизма

Было бы ошибочно выводить западнизм из какого-то одного источника. Он формировался по многим линиям, вырос из различных источников, которые, сливаясь и переплетаясь, создавали единый мощный исторический поток, ломавший на своем пути все преграды и увлекавший их обломки с собой. Эти источники разно качественны не в смысле степени важности, а в смысле типа сыгранной ими роли.

Как на Западе, так и в других странах бытует убеждение, будто западное общество всеми своими положительными достижениями обязано частной собственности и капитализму. До сих пор еще живо и противоположное мнение, которое в XIX веке и в первой половине XX века владело умами многих миллионов людей на планете, будто частная собственность и капитализм являются источником всех зол. Это второе убеждение успешно конкурировало с первым в течение целого столетия. Лишь во второй половине XX века его влияние пошло на спад и почти заглохло к концу века. Зато первое убеждение заявило о себе с полной откровенностью.

Я утверждаю, что как то, так и другое убеждение ложно. Я не отвергаю роли капитализма в истории и структуре Запада. Но я утверждаю, что есть нечто более глубокое и широкое в западном обществе, что является основой и для самого капитализма. Это нечто есть западнизм. Развившись на основе западнизма, капитализм овладел обществом и подчинил себе само это явление западнизма, став его органическим элементом. Достигнув вершины своего развития, капитализм вернулся к своей основе на более высоком уровне, превратившись в западнизм как таковой.

В жизни каждого взрослого и трудоспособного человека, групп таких людей и общества в целом можно различить два аспекта – деловой и коммунальный. В деловом аспекте люди действуют и вступают в какие-то отношения друг с другом в зависимости от того, что они должны заниматься каким-то делом, необходимым им для приобретения средств удовлетворения своих жизненных потребностей. Важнейшим делом общества является создание и циркулирование материальных ценностей. Но делом может быть и создание культурных ценностей, и бытовое обслуживание людей, и создание средств развлечения. В коммунальном аспекте люди вынуждены совершать поступки и вступать во взаимные отношения в зависимости от самого того факта, что их очень много и что они вынуждены жить совместно из поколения в поколение. Эти аспекты неразрывно связаны между собою. Разделить их можно лишь в абстракции. Тем не менее они различны. Чтобы представить себе деловой аспект как таковой в отличие от коммунального, надо взять в качестве поясняющих примеров такие случаи, когда на действия и поведение людей не влияет ничто, кроме интересов дела. Такие случаи обычны и очевидны. А чтобы представить себе коммунальный аспект в «чистом» виде, надо выбрать в качестве примеров случаи, когда люди умышленно совершают поступки, затрагивающие интересы и влияющие на жизненные позиции других людей. В современном развитом западном обществе примером различения делового и коммунального аспектов может служить различие предприятий, на которых изготавливаются предметы потребления, с одной стороны, и учреждений власти, с другой стороны.

Роль этих аспектов в жизни людей может быть различной в смысле их важности. Бывает, что один из них становится доминирующим, подчиняет себе другой и даже заглушает другой. Причем это доминирование может стать привычным образом жизни людей. Я утверждаю, что именно различие этих аспектов, устойчивые взаимоотношения между ними и доминирование того или иного из них над всеми прочими аспектами жизни людей образует самую глубокую основу различия между западным типом общества и тем его типом, который развился в Советском Союзе после революции 1917 года и в ряде других стран (Китай, Вьетнам, страны Восточной Европы до восьмидесятых годов) и который я называю коммунистическим. Употреблять

в отношении общества западного типа термин «капиталистическое» я воздерживаюсь по причинам, о которых уже говорил выше.

Каждый из рассматриваемых аспектов имеет свои общие правила. Самые фундаментальные из них просты и в какой-то мере общеизвестны или известны по крайней мере значительной части членов общества. Если бы это было не так, общественная жизнь вообще была бы невозможна – люди не смогли бы заниматься делами, обеспечивающими их всем необходимым для жизни, и не смогли бы объединяться в большие группы и целые общества. Более сложные правила вырабатываются какими-то небольшими группами людей, специально занятых этим делом, навязываются всем прочим людям и поддерживаются тоже людьми особой категории. Люди фактически живут в обществе по этим правилам и по необходимости осознают их.

Но осознание этих правил и практическое овладение ими не есть еще осознание их как правил, выражающих социальные законы. Здесь положение подобно тому, как люди научаются считаться с законами природы, не имея о них никакого понятия. Здесь сознание играет роль средства выработки навыков поведения, но не средства познания лежащих в их основе объективных законов бытия.

И третий источник и аспект западнизма образует то, что я называю человеческим фактором. Прежде чем приступить к детальному рассмотрению названных источников и аспектов западнизма, скажу кратко о каждом из них в общей форме.

Деловой аспект

Именно в первом (деловом) аспекте прежде всего зародились семена или первичные клеточки будущего западнизма.

Сначала это были отдельные индивиды и небольшие деловые группки, функционировавшие главным образом не по законам коммунальности, а по законам дела. При этом, естественно, получил преимущества тот, кто лучше делал и организовывал дело. Такие группки появлялись в большом числе в самых различных местах планеты, главным образом – в Западной Европе. Начался длительный процесс их борьбы за существование, отбор наиболее жизнеспособных. Соответственно начался отбор и поощрение человеческих качеств и обладавших ими людей, лучше других действовавших в интересах таких групп. А в самих группах складывалось определенное отношение к таким качествам и людям, делавшее всех участников дела зародышем будущего народа с этими качествами. Число групп такого рода росло. Росли их размеры, и они дифференцировались. И наоборот, мелкие группки объединялись в более сложные. Усиливалась их роль в обществе, росло влияние на окружение. В них проникали внешние влияния, и они сами проникали вовне. Короче говоря, шел самый сложный исторический процесс со всеми логически мыслимыми вариантами и возможностями.

Естественными исходными группами рассматриваемого типа были группы семейные. Они объединялись в артели или корпорации, а последние образовывали более или менее многочисленные общины, целые районы, коммуны, города. Эти группы занимались не любым делом, но делом исключительным, требовавшим сравнительно высокого уровня способностей, интеллекта, квалификации. Делом, которое могли выполнять сравнительно немногие мастера. Подлинными родоначальниками будущего высокоразвитого западного индустриального общества были безвестные труженики-мастеровые, а не накопители сокровищ, ростовщики и спекулянты. Правда, со временем положение людей в обществе переменилось в силу общего закона эволюции, по которому плодами усилий тружеников-первооткрывателей пользуются ничтоже-ства и паразиты.

Хочу особое внимание обратить на такие черты рассматриваемого процесса. Первая – упомянутые группы возникали не изолированно от общества вроде первобытных племен, а уже в достаточно развитых человеческих объединениях. Очень важно помнить об этом обстоятельстве: западнизм зародился в человеческой среде с самого начала как явление вторичное, можно сказать – более высокого уровня сравнительно с тем, что уже существовало. Сначала эта вторичность не была заметна и не выглядела как более высокий уровень живого. Это стало ясно лишь много веков спустя. Есть общий социальный закон: все по-настоящему великое впервые появляется на арене истории сначала бесшумно. Так появился, по словам Гейяра де Шардена, и сам человек вообще. Когда он зародился, никто не мог бы заподозрить, что из этой вертлявой твари вырастет венец творения. А когда человек стал тем, что он есть, уже никто не может проследить кончики его корней в животном мире в прошлом. Со временем процесс как бы углубился в более низкий слой истории человечества, охватив не только исключительные, но и обычные формы деятельности, став всеобщим образцом. Но «точка роста» нового социального феномена все равно оставалась острием стрелы, устремленной в будущее.

Вторая черта процесса заключается в том, что носителями рассмотренной западной ориентации были люди, которые были благодаря тем или иным обстоятельствам социально свободными, то есть не вовлеченными в феодальные отношения тех времен. Они были фактически свободны в том смысле, в каком люди стали впоследствии свободными и юридически. Не надо переносить на прошлое понятие свободы личности, уместное в отношении уже ставшего западнизма. Люди тогда были свободны лишь в той мере, чтобы создавать нефеодальные деловые группы (общины), и не более того. Но для начала этого было достаточно. Западнизм

вырастал не как модификация феодальных отношений людей и не из них, а вне их, независимо от них, хотя и в одном социальном пространстве с ними, но рядом с ними. Он вырастал в порах феодального общества, на свободных (относительно, конечно) местах. Он разрушал феодальные отношения, оттеснял их и, становясь сильнее, включал их в себя, трансформируя их на свой манер. Но он с самого начала был нефеодален.

Третья черта процесса – он проходил в соответствии с объективными социальными законами, и прежде всего – по законам организации и выполнения дела. Приведу несколько примеров законов такого рода. Результат дела должен удовлетворять какую-либо потребность людей, – дело должно быть общественно полезным. Дело должно делаться в соответствии со свойствами объектов, которые участвуют в деле, иначе дело не будет иметь успех. Каждое дело требует соответствующего уровня квалификации, ему следует обучаться. Затраты на дело должны соответствовать ценности результатов дела. Основной принцип в этом отношении – наилучший результат с наименьшими затратами. Народная мудрость отразила такие правила в бесчисленных пословицах и поговорках вроде «Игра стоит (не стоит) свеч», «Что посеешь, то и пожнешь», «Взялся не за свое дело», «Стрелять из пушек по воробьям», «Дело мастера боится». В научной литературе можно найти общие принципы деятельности, которые суть лишь записанные в профессиональной терминологии житейские банальности.

Упомянутый выше закон эффективности дела (наибольший результат с наименьшими тратами) естествен и самоочевиден. Он не нуждается ни в каком обосновании. Наоборот, он сам является основой более конкретных закономерностей деловой жизни людей в западном обществе. Он является самой глубокой основой прогресса средств производства и производительности труда.

Упомянутый закон имел силу независимо от того, имела место конкуренция или нет. Конкуренция вообще есть явление позднее, уже капиталистическое. А первоначально никакой конкуренции вообще не было. Была просто потребность в предметах особого рода, которую и удовлетворяли предшественники западного общества. Был спрос на эти предметы. Он рос, отчасти под влиянием самого производства. Рост спроса стимулировал рост производства по указанному выше закону. Возникшая впоследствии конкуренция лишь усилила действие этого закона, но не породила его. Причем рост числа конкурирующих производителей не только усилил тенденцию к росту производительности труда, но сделал немало, чтобы помешать этому: конкуренты стремились помешать друг другу. Этот закон привентации (как я его называю) сохранил силу и до сих пор.

Четвертая черта – структурирование людей в рамках западнизма происходило, естественно, прежде всего в зависимости от интересов дела и по правилам делового, а не коммуналного аспекта, а именно – по характеру и степени важности участия в деле. Потому главной фигурой тут становился владелец и организатор дела – предшественник будущего собственника-предпринимателя. Опять-таки тут не следует переносить правовое понятие собственности позднейших времен на предшественника этого явления, в отношении которого более уместно понятие владения. Ошибочно также переносить понятие пролетариата (то есть наемных рабочих, лишенных собственности) на участников дела в зачаточных ячейках западнизма, занимавших подчиненное положение по отношению к собственнику и организатору дела. Это могли быть точно так же свободные от феодальной зависимости люди, но члены семьи, родственники, соседи, случайные люди, примыкавшие («прилепливавшиеся») к семьям владельцев дела.

Законы дела давали преимущества человеческому материалу особого рода, а время осуществляло соответствующий отбор. На эту тему я буду говорить специально ниже. Здесь же замечу, что законы дела сами по себе не порождали деловых людей. Они вообще ничего не порождали. Человеческий материал с деловыми задатками должен был появляться в силу каких-то причин, возможно – случайно. Но он появлялся, поощрялся и отбирался уже на

основе законов дела, становился традиционным, множился и усовершенствовался, оказывая обратное воздействие на сам процесс дела и его закономерности. Исторический процесс всегда есть сплетение множества взаимодействующих факторов с меняющимися ролями в их взаимодействии.

Коммунальный аспект общества

Коммунальный аспект (коммунальность) является точно так же общечеловеческим. Его образует, повторяю, поведение людей и отношения между ними, обусловленные самим тем обстоятельством, что людей много и они вынуждены так или иначе сталкиваться друг с другом, общаться, распадаться на группы, подчинять, подчиняться. В этом аспекте люди вынуждены уже друг друга рассматривать как свое внешнее окружение. Тут идет борьба за существование и за улучшение своих позиций уже не в природной, а в социальной среде, которая воспринимается ими как нечто данное от природы, во многом чуждое и враждебное им, во всяком случае – как нечто такое, что не отдает свои блага человеку без усилий и борьбы. Законы коммунальности одни и те же всегда и везде, где образуются достаточно большие скопления людей, позволяющие говорить об обществе. Для законов коммунальности безразлично, что объединяет людей в общество. Они так или иначе действуют, раз люди на достаточно длительное время объединяются в достаточно большие коллективы, человек как коммунальный индивид рассматривается лишь как существо, обладающее телом и органом управления телом. Этот подход есть научная абстракция, научное упрощение. Но без этого нельзя начать научный анализ. Со временем можно включить в сферу внимания и другие свойства человека. Но лишь со временем и постепенно, в подходящем месте. А начинать надо с крайнего упрощения. Задача управляющего органа коммунального индивида – обеспечить индивиду наилучшее (с его точки зрения, в рамках его возможностей и интересов) приспособление к условиям его социального существования, обеспечить такое его поведение, которое соответствует условиям и нормам жизни его социального объединения. Управляющий орган сам есть часть управляемого им тела, но такая часть, которая отличается от всего тела именно как своего рода командный пункт жизнедеятельности сложного живого организма. В результате социобиологической эволюции отношение между управляющим органом (головой) человека и его телом сложилось таким, что первый стал господином второго.

В коммунальном аспекте предполагается, что люди свободны и без принуждения совершают поступки по правилам социального расчета. Основной принцип последнего: не действовать во вред себе, мешать другим действовать во вред тебе, избегать ухудшения условий своей жизни, отдавать предпочтение лучшим условиям. Из этого основного принципа вытекают производные, например – иметь как можно больше с наименьшими усилиями, максимально использовать в своих интересах свое положение, избегать наказания. Конечно, далеко не всегда очевидно, что в пользу и что во вред индивиду, что хуже и что лучше для него. Но это не устраняет сам принцип. Индивид следует ему в силу своей способности оценивать положение. В условиях, когда каждый индивид действует согласно этому принципу, главным врагом индивида становится другой индивид, препятствующий ему в поведении согласно этому принципу.

Фундаментальный принцип социального расчета реализуется в целой системе правил поведения. На овладение ими уходят многие годы жизни. Причем не все люди овладевают ими в одинаковой мере и полностью. И в поведении люди часто делают ошибки. Обычно эти правила действуют в совокупности, трансформируя и маскируя друг друга. Этим правилам люди обучаются. Делают они это на собственном опыте, глядя на других, в процессе воспитания, благодаря образованию.

Поведение людей по правилам коммунальности не есть поведение по правилам морали, если даже они совершают поступки, одобряемые морально. Тут имеет место просто совпадение различных способов оценки поступков. Правила морали были в свое время изобретены как одно из средств самозащиты людей от буйства коммунальности, то есть от самих себя как существ коммунальных. Какие-то правила морали сохраняются и в условиях господ-

ства коммунальности. Но они тут играют роль второстепенную и сугубо формальную. Убежденно моральный (поступающий именно в силу принципов морали) человек тут становится редким исключением, уклонением от общей нормы. Люди здесь соблюдают какие-то правила морали потому, что это требуется правилами коммунальности. Люди тут не являются, а лишь выглядят моральными, и этого достаточно. Потому тут исчезает такое явление, как угрызения совести. Потому тут люди становятся чрезвычайно гибкими социальными хамелеонами. Человек, сделавший принципы морали основой своего поведения и неотъемлемым элементом своей натуры, тут обречен на душевные страдания и на конфликты со средой. Если человек хочет добиться успеха, первое, что он должен сделать, это полностью очиститься от внутренней моральности и развить моральную мимикрию, то есть способность использовать внешние формы морального поведения как средство сокрытия своей неморальной сущности и как средство в поведении по законам коммунальности.

Коммунальные правила не есть нечто только негативное. Они вообще не есть негативные. Они – объективные. Они порождают следствия, которые какие-то люди воспринимают как негативные. Но они же порождают и средства защиты от них. Поскольку людей много и каждый действует в силу правил коммунальности, люди так или иначе вынуждены ограничивать друг друга, создавать коллективные средства самозащиты.

Правила коммунальности кажутся малозначащими пустяками, если их взять по отдельности и если рассматривать отдельно взятые поступки людей. Чтобы понять, какую роль они на самом деле играют в обществе, надо их взять в совокупности и в массе, то есть принять во внимание то, какое число поступков и какие поступки миллионы людей совершают в соответствии с ними ежесекундно. Именно эти ничтожества, а не всесильные тираны играют решающую роль в жизни общества, превращая в свои игрушки и инструменты самые значительные (с обывательской точки зрения) личности. Суть научных открытий в социологии состоит не в том, чтобы раскопать какой-то глубоко запрятанный грандиозный секрет жизни общества, а в том, чтобы увидеть, какую грандиозную роль играют очевидные всем пустяки.

Далеко не всякие отношения между людьми, не входящие в деловой аспект общества, суть отношения коммунальные. Так, отношения между врачами и больными, учителями и учениками, проповедниками и слушателями, артистами и зрителями, родителями и детьми и многие другие не являются отношениями коммунальными, хотя участники таких отношений вовлекаются в коммунальные отношения самого различного рода. Коммунальные отношения суть такие, которые обусловлены самим фактом множественности людей и необходимостью совместной жизнедеятельности как целого объединения. Основные коммунальные отношения индивидов суть отношения их к группе, отношения внутри групп и между группами. Отношение индивида к группе характеризуется степенью зависимости его от группы и группы от него. Первая имеет тенденцию к увеличению, вторая – к уменьшению. Индивид стремится ослабить свою зависимость от группы. Группа стремится к полному контролю за поведением индивида и к подчинению его воле группы. Коммунальные отношения между индивидами внутри групп разделяются на отношения субординации (начальствования и подчинения) и координации (соподчинения). Принцип субординации таков: социальная позиция начальника выше и важнее, чем подчиненного, и вознаграждается он лучше, чем подчиненный. Начальник стремится к минимальной зависимости от подчиненных и к максимальной зависимости подчиненных от него. Отношения соподчинения регулируются таким принципом. Наибольшую опасность для индивида представляет другой индивид, превосходящий его по социальным потенциям в глазах других и начальства. Потому он стремится ослабить позицию другого индивида или как-то помешать ее усилению. Взаимное препятствование (привентация) здесь является основой поведения.

В западной социологической мысли уделяется огромное внимание деловым отношениям людей и ничтожно мало – коммунальным. Даже явно коммунальные явления (партии, госу-

дарственные учреждения) рассматриваются обычно с деловой (функциональной), а не с коммунальной точки зрения⁷. Зато в литературе и в фильмах, рассчитанных на массового потребителя, коммунальные отношения между людьми изображаются без прикрас и в изобилии. Правда, лишь как общеизвестные явления жизни. Их универсальные и объективные закономерности обычно игнорируются. Лишь изредка появлялись писатели, обращающие на них внимание почти как социологи⁸.

Коммунальные явления существуют во всяком обществе и имеют свои универсальные законы. Но в различных типах обществ они принимают различные формы. Корнями в этот аспект уходят специфически западные формы организации людей, не связанных делом, принципы управления, вся сфера государственности как таковая. По мере образования и увеличения общин из деловых ячеек возникали проблемы их самоуправления и их внутреннего порядка, то есть проблемы организации в рамках коммунального аспекта. Система самоуправления в таких случаях возникала не в рамках феодальной государственности, а вне ее и независимо от нее, возникала как предшественница будущей политической системы, разрушившей и вытеснившей систему феодального государства. В американских общинах зародилась и западная демократия.

⁷ Исключения редки. Могут в качестве такового назвать исследование бюрократии Максом Вебером.

⁸ Упомяну в качестве примера Салтыкова-Щедрина, Франса, Даниноса, Паркинсона. В их сочинениях встречаются описания явлений коммунальности как универсальных.

Западнизм, капитализм, коммунизм

В книге о Западе нельзя уклониться от темы коммунизма. Это связано не с моими личными интересами, а с тем, что западное общество по самой сути дела немислимо без его взаимоотношений с коммунизмом. Идеология коммунизма родилась на Западе, причем как отражение проблем западного общества. Реальное коммунистическое общество в России возникло в значительной мере под влиянием Запада как своеобразная форма западнизации России. Вся история Запада, начиная с Октябрьской революции 1917 года, шла под знаком борьбы с реальным коммунизмом. Запад стал тем, что он есть в этой борьбе. Наконец анализ западного и коммунистического общества показывает, что первое содержит в себе в «снятом» виде все основные свойства и тенденции второго. Явления коммунизма суть не только нечто внешнее Западу, не только то, что подвергалось издевательствам в западной идеологии и служило материалом для проявления гнева западных морализаторов, но собственные элементы самого западного образа жизни. И о них на Западе писалось и пишется регулярно, разумеется – не в марксистской, а в иной (в «своей») терминологии. Например, обоснование роли государства в регулировании экономики и в решении социальных проблем было и остается обычным делом в западной идеологии, а тема проектирования и планирования будущего в самых различных формах и масштабах стала теперь одной из главных. А между тем регулирующая роль государства и плановость в течение многих десятилетий атак на коммунизм считались одними из главных зол его. Подвергая жестокой критике разрастание системы государственности и коррупцию в среде чиновничества в коммунистических странах, западная идеология и пропаганда игнорировала тот факт, что западные страны нисколько не уступали коммунистическим странам с этой точки зрения. Они, говоря словами Христа, видели соринку в чужом глазу и не замечали бревно в своем собственном. Запад просто немислим без идей и элементов коммунизма. Не случайно на Западе родилась теория конвергенции западного и коммунистического общества как близких вариантов общества индустриального⁹.

Западнизм не есть нечто застывшее. Он переживал и переживает эволюцию, в которой рассмотренные два аспекта играют различные роли, а отношения между ними меняются. В экономической и социологической литературе и в соответствующей пропаганде это находит отражение в том, например, что в один период начинают превозносить частное предпринимательство, рынок и конкуренцию, начинают усиленно приватизировать все, что государство берет под свою опеку как неконкурентоспособное, нерентабельное или стратегически важное¹⁰, а в другой период начинают, наоборот, превозносить роль государства как фактор регулирования экономики и решения социальных проблем¹¹.

В конкретном историческом процессе различные элементы, стороны, свойства единого социального феномена могут принимать различные формы и вступать в различные отношения вплоть до разделения их, до воплощения в различных и даже враждебных социальных образованиях. Так происходило и с западнизмом. Рассмотренные выше два его аспекта поляризовались в виде двух социальных систем – капитализма и коммунизма. Первый получил преимущественное развитие в странах Запада, особенно в США, второй в странах Востока, и прежде всего в России.

Колонизация Америки началась тогда, когда явления западнизма уже достигли довольно высокого уровня в Европе. Они вырвались из феодальной среды Европы и развились на сво-

⁹ Теория конвергенции капитализма и социализма (коммунизма) развивалась в пятидесятые и шестидесятые годы западными мыслителями Дж. Гэлбрайтом, П. Сорокиным, Р. Ароном, Я. Тинбергенем и другими.

¹⁰ Как это стало происходить в восьмидесятые годы.

¹¹ Как это имело место в тридцатые и сороковые годы, а также после Второй мировой войны.

боде от этих пут с поразительной силой и быстротой, причем односторонне, как капитализм прежде всего и по преимуществу. Общеизвестно, какую роль тут сыграли нефеодальные (но еще и некапиталистические) общины, о которых говорилось выше. Американский капитализм вырос на этой основе, а не на пустом месте. В американских общинах буквально расцвел тот человеческий материал, который стал строительным материалом и оплотом западнизма. Это общество затем оказало обратное влияние на все еще феодальную в массе Европу, способствуя усилению и победе здесь явлений западнизма¹².

Но то, что развилось в Америке, не исчерпывало полностью западнизма. Там наиболее сильное развитие получил лишь один полюс западнизма, более или менее приблизительно называемый капитализмом. Другой полюс западнизма нашел наиболее благоприятную почву тоже вне западноевропейских стран, а именно в России, где с первых шагов истории доминирующую роль играла государственность. После Октябрьской революции 1917 года здесь вообще сложился тип общественного устройства, опять-таки получивший более или менее приблизительно название коммунизма. Поляризация этих аспектов единого западнизма (капитализма и коммунизма) приняла форму их антагонизма. В противостоянии Запада, осознававшего себя как капитализм, и Востока (главным образом России), осознававшего себя как коммунизм, развилась и усилилась западная государственность. После краха коммунистической России в конце XX века Запад отбросил поверхностную неприязнь к государственности и встал на путь примирения полюсов западнизма. Произошла не конвергенция в том смысле, как ее предсказывали западные теоретики. Произошло обнажение сущности западнизма, содержащего в себе основные элементы как капитализма, так и коммунизма.

Пониманию сути дела тут мешает терминологическая путаница. Явления коммунальные существуют во всяком обществе, в том числе в западном. В особых условиях, как в России, они могут стать господствующими и породить особый тип общества – коммунистический (или реальный коммунизм). Глядя на них с точки зрения этого типа общества, их можно считать предпосылками или элементами коммунизма. И в этом смысле коммунизм есть составной элемент западнизма наряду со всем тем, что породило капитализм.

Капитализм и коммунизм суть крайние проявления и высший уровень развития рассмотренных выше двух аспектов западнизма, причем в поляризованном виде в конкретно-исторических условиях XX века. В реальном западнизме законы обоих аспектов действуют совместно и постоянно. Приведу такой гипотетический пример для иллюстрации сказанного. Возьмем некоторое капиталистическое предприятие западной страны. Оно функционирует по законам капитализма с точки зрения организации производства своей продукции, найма и оплаты рабочих, отношений с банком, ситуации на рынке. Но представим себе, что этому предприятию надо куда-то девать отходы производства, портящие окружающую среду. Если хозяева предприятия имеют возможность избавиться от них, избежав наказания, разве они не сделают это? Конечно сделают. И взятку соответствующим лицам дадут. А если есть возможность помешать как-то конкурентам не на некоем свободном рынке, а во вне рыночных отношениях, разве хозяева предприятия не пойдут на это? Пойдут. И это происходит постоянно. А это значит действовать по законам коммунальности или, глядя на них с позиции развитого коммунизма, по законам коммунизма.

Разрастание бюрократического аппарата, привилегии чиновникам, высокие оклады менеджерам, коррупция и прочие явления повседневной жизни Запада – это все суть явления, общие для западных и коммунистических стран, то есть явления коммунизма. Отличие от

¹² В 1831–1832 годы Токвиль, посетив США и угадав суть американского общества, стал проповедником американской демократии. Он был не одинок. Его пропаганда имела успех, поскольку Европа уже сама созрела для новой формы жизни. Прошло сто лет, и США пришли в Европу уже не в виде идей и образца для подражания, а как материальная сила с претензией на мировое господство.

коммунистических стран тут лишь в том, что там это составляет доминирующую часть жизни, а на Западе – лишь один из ее аспектов наряду с капитализмом.

Человеческий фактор

На Западе есть свои табу. Хотя они не фигурируют ни в каких кодексах законов, нарушение их карается обществом самым беспощадным образом. Одним из таких табу является правда о национальных и расовых проблемах.

Попытки говорить о тех людях, которые создали Запад как социально-исторический феномен, на уровне некоей научной объективности неизбежно порождают обвинения в расизме. Боязнь таких обвинений вынуждает исследователей либо вообще обходить эту тему молчанием, либо говорить в таких обтекаемых выражениях, которые сводят к нулю научные результаты, либо пускаться в полемику с расистами, вообще уведящую исследователей в сферу идеологии. А между тем феномен западнизма нельзя понять объективно-научно, не принимая во внимание тот основной строительный материал, из которого построено западное общество, а именно – человеческий материал.

Бесспорно то, что тип общественного устройства существенным образом определяет и тип людей, обладающих таким строем. Образ жизни данной человеческой общности определяет и характер ее членов. Люди приспосабливаются к условиям своего общественного бытия. Но столь же верно и то, что данный тип общественного устройства создают люди определенного типа. Условия жизни на Западе порождают определенные качества у людей, необходимые им для жизни в этих условиях. Но Запад как особый социальный феномен есть результат деятельности людей определенного типа во множестве поколений. Тут зависимость двусторонняя, взаимная. Люди определенного типа создают цивилизацию определенного типа, а последняя в свою очередь порождает адекватных себе носителей ее. Абсолютно ничего расистского в этом нет.

Прежде чем сказать о качествах той совокупности народов, которые образовали и своей жизнедеятельностью создали социобиологическое существо по имени Запад, я выскажу общие, логические соображения об оценке качеств народа.

Когда приходится давать характеристику целых народов или совокупностей народов (а Запад – совокупность многочисленных народов), то отдельные представители этих народов принимают это на свой счет. Они совершают грубую логическую ошибку, перенося на себя то, что говорится о целых народах, то есть о совокупностях большого числа людей, воспроизводящихся в течение многих поколений. Народ не есть всего лишь сумма одинаковых людей. Народ есть объединение разнообразных людей, есть целостный феномен. В каждом большом народе можно увидеть все возможные человеческие типы. Для любого типа человека во Франции, Италии, Англии и других странах найдутся примеры людей одного и того же типа. Отдельно взятый англичанин или француз может выглядеть как русский, а отдельно взятый русский – как англичанин или француз. И все-таки это не будет служить доказательством тождества народов. Народ есть живое существо, хотя и состоящее из отдельных людей, но несводимое к ним. Характеристика народа не есть всего лишь обобщенная характеристика его отдельных представителей. Это характеристика его как целого, подобно тому, как характеристика леса не есть характеристика каждого дерева, растущего в нем. Чтобы узнать, что из себя представляет данный народ, надо взять его в массе его представителей, причем у них дома, в привычной для них среде и во всех аспектах жизни. Надо выяснить при этом, какие качества людей тут более или менее часто воспроизводятся, как к ним относятся сограждане, как эти качества сказываются на судьбе людей. Потому возможна такая ситуация, когда в данном народе не так уж часто появляются таланты некоторого рода, но они могут цениться и поощряться, приносить обладателям их успех, и народ в целом может накопить проявления таких талантов и приобрести репутацию народа талантливого.

Характер народа образует определенная совокупность свойств, а не отдельные свойства. Это не есть то, что отличает данный народ от других. В число свойств, составляющих характер народа, могут входить как свойства, общие данному народу с другими, так и свойства, каких нет у других народов. Но суть дела тут не в отличении данного народа от других (такое отличие банально), а именно в его характере как социального феномена независимо от того, какими являются другие народы.

Характер народа есть сложный и противоречивый комплекс черт, который достаточно часто и отчетливо проявляется в поступках отдельных людей и в отдельных поступках людей. Бессмысленно разделять эти черты на плохие и хорошие, положительные и отрицательные. Одни и те же черты в одних условиях обнаруживают себя как положительные, в других – как отрицательные, в одних условиях – как сила, в других – как слабость. Как известно, наши недостатки суть продолжения наших достоинств. Но столь же справедливо и то, что наши достоинства суть продолжения наших недостатков.

Черты характера народа редко концентрируются в отдельных его представителях. Они в отношении отдельных людей суть лишь нечто потенциальное. Они разбросаны во множестве людей так, что у одних резче проявляются одни черты, у других – другие. Они группируются, порождая различные типы в рамках данного народа. Фактически чаще встречаются не характерные носители всех качеств народа, а характерные типы, воплощающие часть этих качеств.

Западоид

Уже в XVIII веке приобрели огромное влияние идеи равенства людей. Не буду оспаривать того, что эти идеи сыграли огромную роль в истории человечества вообще и в эволюции Запада в особенности. Эти идеи имели первоначально политический и правовой характер. В том, что они имели моральный смысл, не было ничего нового, так как христианство с самого начала провозгласило тезис равенства всех людей перед Богом. Но в дальнейшем всякого рода «прогрессивные» идеологи и моралисты довели идеи равенства до абсурда, придав им смысл одинаковости представителей различных народов и в смысле их потенциальных природных способностей. Всякие утверждения о том, что народы различаются по природным задаткам, стали расцениваться как проявления расизма, национализма и шовинизма.

Разумеется, имеются универсальные человеческие качества. Они общеизвестны. К их числу прежде всего принадлежит то, что всякий нормальный человек имеет прирожденный управляющий орган (мозг) и управляемое тело. Задача первого – обеспечить телу самосохранение и приспособление к условиям существования. Всякий нормальный человек стремится делать это наилучшим (с его точки зрения) образом, то есть в своих личных интересах. Эта банальная истина была известна людям испокон веков. Они ее зафиксировали в изречениях народной мудрости вроде «Своя рубашка ближе к телу» или «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше» задолго до того, как профессиональные мыслители начали использовать ее в своих теориях.

Со времени А. Смита (я не стал искать более ранние источники) пошла традиция связывать рассматриваемое универсальное и изначальное качество человека руководствоваться личными интересами с частной собственностью и частным предпринимательством, видеть в этом качестве некое природное основание капитализма. Это убеждение является чисто идеологическим. Оно ложно с научной точки зрения. Личный интерес как основа поведения человека есть действительно его прирожденное качество. Оно не связано необходимым образом ни с каким социальным устройством, ни с каким типом общества. Люди существовали сотни тысяч (если не миллионы) лет, прежде чем зародился капитализм. И всегда поступали в силу рассматриваемого принципа личного интереса. В коммунистическом обществе люди точно так же руководствовались этим принципом. Когда люди в коммунистических странах отлынивали от работы, лодырничали, халтурили, занимались очковтирательством, воровали, брали и давали взятки, доносили, клеветали и т. п., они руководствовались своими личными, а не какими-то иными интересами.

От универсальных качеств человека, в том числе от рассматриваемого мотива поведения, не зависит никакой тип общественного устройства. Они сохраняют силу в любом из них, принимая различную форму в зависимости от конкретных особенностей жизни людей в них. Как в животном мире все живые организмы приспособляются к условиям их бытия, так и люди в их социальном мире. Универсальные качества человека не отдают предпочтения никакому типу общества. Наоборот, от типа общества зависит то, какой вид они примут тут, как будут проявляться. Характер человеческого материала влияет на то, какой тип общества складывается в той или иной человеческой общности и какой вид тут принимают закономерности этого типа общества. Но при этом роль играют не некие универсальные качества всех людей, а особые качества людей определенного рода, причем как качества целого народа, а не просто каждого человека по отдельности. Они суть качества и отдельных людей, но не как Робинзонов, а как представителей определенной человеческой массы, воспроизводящейся из поколения в поколение в течение многих столетий и тысячелетий.

Запад создавался, развивался, поддерживался, охранялся и завоевывал себе место на планете не просто человеческими существами, но людьми определенного типа. Буду называть

их западоидами. Ни с каким другим человеческим материалом Запад был бы невозможен. Никакой другой человеческий материал не в состоянии воспроизвести Запад и сохранить его на том уровне, какого он достиг.

Назову характерные черты западоидов или, точнее, западоидности. Это суть практицизм, деловитость, расчетливость, способность к конкурентной борьбе, изобретательность, способность рисковать, холодность, эмоциональная черствость, склонность к индивидуализму, повышенное чувство собственного достоинства, стремление к независимости и успеху в деле, склонность к добросовестности в деле, склонность к публичности и театральности, чувство превосходства над другими народами, склонность управлять другими более сильная, чем у других народов способность к самодисциплине и самоорганизации¹³.

Считается, что западоид – индивидуалист, в отличие от многих других типов людей, являющихся коллективистами. Если не придавать словам «индивидуалист» и «коллективист» никакого морализаторского и оценочного смысла, то с этим можно согласиться. Каждый нормальный человек так или иначе осознает себя в качестве индивида («Я») и в качестве члена объединения себе подобных («Мы»). Но формы этого осознания, пропорции «Я» и «Мы» в менталитете человека, их взаимоотношения и проявления в поведении людей различны. Они и дают в совокупности различные типы людей в этом плане.

Западоиды появились и достигли современного состояния в рамках западноевропейской цивилизации, в которой «Я» играло доминирующую роль в паре «Я – Мы» и было развито сильнее, чем у других народов и в других цивилизациях, а «Мы» было объединением сильно выраженных «Я», можно сказать – в рамках Я-цивилизации. Благодаря западнизму это качество западоидов было развито до высочайшего уровня, охватив все сферы их бытия. С этой точки зрения западноевропейская цивилизация и развившийся на ее основе западнизм суть явления уникальные в истории человечества. В этом смысле западоиды суть индивидуалисты, а их общество – индивидуалистическое.

Весь образ жизни западных стран есть результат и проявление индивидуализма западоидов. Если в нескольких словах выразить его психологическую суть, то можно сказать, что фундаментальным принципом бытия западоидов является такой: работать на себя, рассматривая всех прочих как среду и средство бытия. Это, конечно, предельное огрубление. И если читатель в порядке защиты западоидов назовет какие-то положительные их качества, я спорить не буду. Во-первых, я в приведенном принципе не вижу ничего плохого. Русский мыслитель Н.Г. Чернышевский, переводивший и пропагандировавший работы Д.С. Милля в России в XIX веке, высоко оценивал это качество западных людей, называя его «разумным эгоизмом». Во-вторых, принципы социального индивидуализма не препятствуют развитию у людей многих положительных с моральной точки зрения качеств, как принципы социального коллективизма не препятствуют развитию качеств негативных. Например, высокоразвитое чувство собственного достоинства и стремление к личной свободе немыслимы без социального индивидуализма (без «разумного эгоизма»). А подавление личности есть обычное дело в коллективистских обществах.

В моем понимании западоид не есть некий типичный, средний или часто встречающийся человек. Мое описание его есть абстрактная и суммарная характеристика человеческого материала Запада как множества и массы людей. Качества западоида растворены в этой массе, распределены в самых различных пропорциях, комбинациях и величинах между множеством индивидов. Но «раствор» западоидности тут настолько силен, что всю массу людей в интересах научного упрощения можно рассматривать как множество типичных западоидов.

¹³ А.И. Герцен определил последнее из упомянутых качеств западоидов как отсутствие внутренней свободы. Он писал (в книге «Былое и думы»), что свобода англичанина больше в политических учреждениях, чем в нем самом. А американцы, по его мнению, вообще могут обходиться без правительства, так как сами исполняют должность царя, жандармского управления и палача. М. Баранова дала необычайно яркое описание западоидов с этой точки зрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.